

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКО-ТАДЖИКСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2001–2012 гг.
М.В. Данилович (Минск)

В 2000-е гг. наблюдается осязаемая активизация КНР в Центральной Азии (ЦА), вызванная как внутренними задачами урегулирования ситуации в стратегически значимом Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе (СУАР) КНР, так и геополитическими изменениями в ЦА после 2001 г. Интерес к ситуационному анализу китайско-таджикских отношений обусловлен приоритетностью приграничных государств региона в китайской «центральноазиатской стратегии».

К началу 2000-х гг. основной проблемой для КНР в отношениях с РТ, оставалась *безопасность*. В условиях афганской ситуации она была связана, в первую очередь, с неурегулированными вопросами общей границы. Начало международной операции в Афганистане и появление в ЦА новых «внешних» сил, развертывание сотрудничества РТ с НАТО стали для КНР несомненным стимулом для ускорения переговорного процесса и решения данных вопросов. В результате уже в

2002 г. высшим руководством КНР и РТ было подписано окончательное Дополнительное соглашение о государственной границе. Вслед за этим было активизировано сотрудничество в области безопасности с целью борьбы с общими для КНР и РТ угрозами наркотрафика в условиях развития афганской «наркоэкономики», а также деятельности радикальных исламистов.

Торгово-экономическое сотрудничество КНР и РТ к началу 2000-х гг. изначально не превышало показателей нестабильного товарообмена 1990-х гг. и основывалось на челночной торговле дешевой китайской продукцией народного потребления и закупках сырья в РТ. Усиление сотрудничества с соседними государствами предусматривалось официальными стратегиями «Выхода вовне» и «Большого развития Запада». Развитие политического диалога и пограничное урегулирование незамедлительно расширили возможности наращивания экспорта в РТ после 2002 г., позволили открыть первый КПП, активизировать льготное покупательское кредитование и прочно войти в тройку основных внешнеторговых партнеров РТ к 2005 г. Объективными препятствиями для расширения торговли оставались преимущественный транзит товаров через соседние страны региона (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан), неразвитость инфраструктуры РТ, зависимость прямых транспортных перевозок от сезонных условий. В целом, в первой половине 2000-х гг., несмотря на растущую «привязку» небольшой и проблемной таджикской экономики к восточному соседу, РТ продолжала занимать периферийное положение в центральноазиатской стратегии КНР.

В 2006 г. **политическое взаимодействие и сотрудничество в области безопасности** было заметно активизировано, что во многом объясняется фактором возобновления переговоров РТ и НАТО о возможном размещении более крупного контингента Альянса на территории РТ в условиях закрытия базы НАТО в Узбекистане и нестабильной внутренней ситуацией в Кыргызстане [9]. Контакты между военными ведомствами КНР и РТ и финансовая помощь таджикским вооруженным силам и погранслужбам становились более активными [4, с. 45]. Качественно новый уровень двусторонних отношений КНР и РТ был оформлен в первом долгосрочном Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2007 г., обозначившем преимущественные сферы взаимодействия: торговлю, инфраструктуру, энергетику, добычу горнорудных ресурсов [3, с. 238]. Данный документ можно рассматривать как итог всей предшествовавшей китайской дипломатии в РТ и сигнал нового этапа в китайско-таджикских отношениях.

Очередная интенсификация взаимодействия органов безопасности и оказания помощи РТ наблюдалась в 2011 – 2012 гг. на фоне обсуждения НАТО планов вывода войск из ИРА. При этом заявленной целью последних антитеррористических учений в рамках ШОС стало усовершенствование проведения совместных операций в условиях горной местности [7], в чём, несомненно, проявился фактор подготовки к потенциальным изменениям обстановки в регионе после 2014 г.

Завершение к осени 2008 г. демаркационных работ и безоговорочная ратификация РТ соответствующего Протокола в 2011 г. выявили умелое использование китайской дипломатией ситуации мирового финансового кризиса и обострения узбекско-китайских отношений. В целом, фокус китайско-таджикского взаимодействия переместился в **экономическую** плоскость. Очередные скачки двусторонней торговли наблюдались в кризисном 2008 г. (с ростом экспорта готовой продукции и текстиля, машин и оборудования и наращиванием импорта сырья из РТ [2]) и в 2011 г. после ратификации протокола о границе и открытия Кашгарской СЭЗ [8] в целях наращивания торговых связей СУАР с РТ, Кыргызстаном и Узбекистаном. Новым фактором отношений стало потенциальное присоединение

РТ к реализуемому Российской Федерацией (РФ) с 2010 г. проекту Таможенного Союза и с возможным привлечением Кыргызстана и Таджикистана.

Одновременно с 2006 г. качестве одной из ключевых областей инвестиционного сотрудничества устойчиво выступает сфера **транспортных коммуникаций**. КНР стала активно участвовать в реконструкции автомагистралей, возведении мостов и туннелей в РТ (в северном направлении, а также непосредственно к китайско-таджикской границе), предоставляя последней кредитную и техническую помощь. Все совместные проекты финансировались правительственными кредитами от Эксимбанка КНР и выполнены (или завершались) в срок к 2009 – 2012 гг. Вторым направлением крупных китайских вложений стала **энергетическая сфера** РТ. Под льготные кредиты Эксимбанка в срок были завершены проекты строительства трёх линий электропередач к 2009 – 2011 гг. Новые договоренности 2011 г. подразумевали схему «ресурсы взамен на инвестиции»: строительство ТЭЦ и ГЭС на территории РТ в обмен на доступ к горнорудным месторождениям [5]. Последний факт указывает на дальнейшее закрепление в 2011–2012 гг. КНР в **горнодобывающей** отрасли РТ, в которой крупные национальные китайские компании также активизировались с 2006 – 2007 г. (добыча золота и серебра, обогащение свинцово-цинковых руд). В целом, к концу рассматриваемого периода КНР стала основным инвестором и крупнейшим кредитором РТ (36% от полного размера внешнего долга РТ по состоянию на 2011 г. [1, с. 94]).

Культурно-гуманитарное сотрудничество в 2006 – 2012 гг. также получило развитие. Резко возросло число студентов, обучавшихся в КНР, было активизировано преподавание китайского языка в РТ, где с 2009 г. открыт Институт Конфуция [1, с. 186]. «Мягкая сила» в подобной форме ориентирована на сближение новых поколений обоих государств и одновременное снятие традиционной «китайской угрозы» в восприятии таджиков на фоне **трудовой миграции** из КНР как отдельного аспекта отношений после 2006 г. Число этнических китайцев в РТ увеличивалось по мере реализации выполняемых китайской стороной по подряду проектов. Несмотря на соответствие озвучиваемых цифр трудовым квотам РТ, факт нелегальной миграции при этом не отрицается на официальном уровне [6]. Китайская миграция в РТ по масштабам уступает таковой в КР, но является потенциальным фактором недовольства местного населения по причине занятия рабочих мест в сфере строительства и торговли.

Таким образом, ситуационный анализ сотрудничества КНР и РТ в 2001 – 2012 гг. позволяет выявить три этапа реализации стратегии КНР в таджикском направлении: 2001 – 2005 гг. (пограничное урегулирование, наращивание торговли и кредитования), 2006 – 2010 гг. (активизация инвестиций в инфраструктурную, горнодобывающую, энергетическую отрасль, выход отношений на стратегический уровень, укрепление экономических позиций в РТ) и предположительно третий этап после 2011 г. (реакция на возможные геополитические изменения в ЦА после 2014 г., а также на интеграционные процессы в рамках проекта Таможенного Союза). Сравнительно небольшие масштабы сотрудничества указывают на то, что РТ не является для КНР приоритетным партнером в регионе.

Перспективы двусторонних отношений будут предположительно находиться в обратно пропорциональной зависимости от развития ситуации в Афганистане, в экономику которого КНР начала вкладывать крупные инвестиции, а также от хода реализации в регионе интеграционных проектов под эгидой РФ.

1. Алимов, Р.К. Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 248 с.

2. Встреча Посла Таджикистана в Китае с журналистами // МИД Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfa.tj/index.php?node=news&id=5534>. – Дата доступа: 15.01.2013.
3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан (15.01.2007 г.) // Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 235 – 240.
4. Сайдалиев, У. Таджикистан и Китай: проблемы торгового экономического сотрудничества и региональной безопасности / У. Сайдалиев // Таджикистан и современный мир. – 2006 – № 3(12). – С. 45 – 48.
5. Китайская компания начала строить в Душанбе ТЭЦ-2 // Avesta [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.avesta.tj/business/14517-kitayskaya-kompaniya-nachla-stroit-v-dushanbe-tec-2.html>. – Дата доступа: 01.03.2013.
6. Китайские нелегалы-мигранты заполняют РТ // Ariana [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ariana.su/?S=8.1112101711>. – Дата доступа: 03.02.2013.
7. Об участии делегации ИК РАТС ШОС в совместном антитеррористическом учение вооруженных сил государств-членов ШОС «Мирная миссия – 2012» // Региональная Антитеррористическая структура ШОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecrats.com/ru/rats-activity/counterterrorist-trainings/2377>. – Дата доступа: 23.02.2013 г.
8. Чжунъян цзюедин цзю цянью чжи ли цзяньшэ Синьцзян Кашэ цзинцзи тецьюй (Центр принял решение о строительстве Кашгарской специальной экономической зоны в СУАР всеобщими силами государства) // Мир финансов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finance.jrj.com.cn/2010/05/2111237507266.shtml>. – Дата доступа: 09.09.2012. (на кит.яз.).
9. Rumsfeld Arrives in Kabul After Talks in Tajikistan // The Washington Post [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/07/10/AR2006071001224.html/>. – Date of access: 20.12.2012.